

А. Н. Демьяненко

РАЗВИТИЕ РОССИИ ГЛАЗАМИ СТРАНОВЕДА (о книге А. И. Трейвиша «Город, район, страна и мир»)

Обычно рецензент долго или коротко (это уж как получится) объясняет читателю, почему следует или не следует читать ту или иную книгу. Отступая от этой традиции, данную рецензию следует начать обращением к читателю: пойдите в книжный магазин или в библиотеку, берите книгу А. И. Трейвиша (*Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.) и читайте, вы не пожалеете о потраченном на это времени.

Здесь уже и у читателя рецензии просто должен появиться вопрос: по какому случаю такой восторг? Попробую ответить. Прежде всего, это оригинальная научная работа, именно оригинальная; она вовсе не похожа на те многочисленные тексты, авторы которых тщатся доказать свой вклад в развитие чего-то того, о чем знают только они, скатываясь в оригиналичание.

Оригинальна монография А. И. Трейвиша и результатами (о них ниже и подробнее), и здоровым консерватизмом, касается ли это методологии или инструментария. Наконец, оригинальна форма подачи текста: автор приглашает читателя к диалогу. А так как рецензент — он тоже читатель, то почему бы и не принять приглашение, и не построить рецензию именно в форме диалога.

И для начала определимся с тем, кто является целевой аудиторией рецензируемой книги? А. И. Трейвиш неоднократно прямо и косвенно обращается к географам, но рецензент полагает, что заявленная тема интересна не только географам, но и экономистам, социологам и всем тем, кто интересуется про-

странственным измерением развития России, включая и «завязтых практиков», если под оными понимать тех, кто трудится в сфере государственного и муниципального управления.

Далее, следуя законам жанра, остановимся на структуре рецензируемой монографии: она того стоит. Все начинается с «Введения», в котором мы находим то, что можно назвать определением проблемной области исследования. Итак, что же включает А. И. Трейвиш в эту самую область, а включает он в нее следующее: «Преодоление его [постсоветского кризиса] последствий требует учета специфики страны, ее размера и степени освоенности, монотонности и многоликости пространств, единообразия и асинхронности развития, неравенства территорий, их отношений со своими и внешними центрами» (8, с. 8).

Однако «Введение» интересно не только весьма своеобразно очерченной проблемной областью, но и тем, как сформулирована сама методология исследования: «Я исповедую подход, который назову полимасштабной парадигмой эволюционного геострановедения» (8, с. 9). Мы еще вернемся вместе с автором к означенному подходу, здесь же отметим, что «родимые пятна» диссертации нет-нет да и проступят. Но все-таки особо явно они проступают в первой главе «Развитие и география».

Несомненный интерес (и к этому мы еще вернемся) представляет авторская позиция по поводу того, как следует исследовать пространственные проявления неравномерности экономического развития на глобальном уровне.

Затем во второй главе «Страна и мир» появляется Россия с ее проблемами, и проблемы эти исследуются в контексте эволюции мировой экономики; при этом приоритет отдается анализу тех проблем, которые сопровождаются территориальными пульсациями и сдвигами, а также географическим ограничениям в развитии страны.

Третья глава «Район, страна и мир» начинается с рассмотрения асимметрии российского пространства и заканчивается анализом процессов регионализации и централизации в России.

Логичным завершением монографии становится четвертая глава «Город, район, страна и мир». Если что и выбивается из этой логики, так это параграф 4.5 «Разная Россия: примеры депрессивных и успешных городов и ареалов», который, очень может быть, следует рассматривать как некий набросок ненаписанной пятой главы. Но может быть, что это и не так.

Наконец, как и положено, есть еще и «Заключение», а также «Послесловие (слово к коллегам-географам)», что встречается крайне редко. Но в данной работе «Послесловие» и важно, и уместно. Более того, рецензент рекомендовал бы читателю обратиться, прежде всего, именно к «Послесловию».

Итак, что есть «Послесловие»? И почему следует приступить к знакомству с книгой именно с него?

Здесь изложена авторская позиция, которая отчасти приведена и во «Введении», но в предельно четкой форме. Но есть в «Послесловии» нечто, на что стоит обратить внимание особо, имея в виду следующую сентенцию: «Моя инерционность граничит с консерватизмом, новые, неожиданные идеи даются с трудом. По крайней мере, я всегда пытаюсь проверить их цифрами, расчетами, картами» (8, с. 350). Эту сентенцию следует сопроводить ремаркой: употребление слова «инерционность», а также «тугодум» и прочее не стоит принимать всерьез; это элемент игры, принятый в рамках диалога между автором и читателем.

Подведем итог беглому рассмотрению структуры монографии. Она логична — это во-первых. А во-вторых, предложенная структура дает возможность А. И. Трейвишу последовательно, шаг за шагом, двигаться к заявленной цели. Вначале дается обоснование «полимасштабной парадигмы», затем на глобальном уровне — оценка места страны, т. е. России, в мире, далее — анализ районной организации пространства, и все завершается анализом роли городов в организации пространства на районном, национальном и глобальном уровнях.

А теперь перейдем к содержанию первой главы, которая начинается параграфом с многообещающим названием «Наука и развитие». Тут находим и девелопментологию, и гуманитарную девелопментологию, а также постулаты последней в количестве восьми штук. Отношение автора к ним весьма показательное: «Пока все это не система, а лишь набор суждений и гипотез с пробелами и темными местами» (8, с. 16). Действительно, то, что мы находим на страницах 14—16, все что угодно, но только не система¹. Но обратить внимание как минимум на два «постулата» все-таки следует.

Под номером шесть находим следующее: «Неравномерность экономического развития связана со сменой систем разделения труда и аккумуляции капитала. Они снова и снова расслаивают пространство в поисках прибыльных мест. Новые слои, ложась на старые, определяют «текущий рельеф». ...Но если центр не снабжает периферию инновациями, то его роль слабеет. Так можно описать распад малого ареала или целого СССР» (8, с. 15).

Все хорошо, но зачем «девелопментализм»? Наверное, автор полагает, что русского слова «развитие» недостаточно. И еще по словам: с тем, что «неравномерность экономического развития связана со сменой систем разделения труда», можно согласиться, но при чем тут аккумуляция капитала? О каком капитале идет речь? Можно предположить, что Андрей Ильич хотел

¹ Если что и удивляет, так это авторский выбор работ, послуживших ему основанием для разработки предлагаемого набора постулатов.

сказать, что территориальное разделение труда (ТРТ) в ходе своей эволюции сопровождается усложнением экономического пространства, расслаивая его как вширь, так и вглубь¹. Отсюда следует, что текущее состояние экономического пространства в той или иной точке (или ареале) есть результат предшествующих этапов эволюции ТРТ. Но и это, скорее всего, еще не все: само экономическое пространство (судя по всему, речь идет именно о нем, иначе при чем ТРТ?) иерархично, и, судя по всему, это свойство имманентно присуще экономическому пространству. Скорее всего, именно это свойство и требует «игры масштабами», как говаривал Н. Н. Баранский, или того, что А. И. Трейвиш обозначает «полимасштабной парадигмой».

Что же касается второй части рассматриваемого постулата, то представляется, что в такой формулировке он излишне категоричен. Попробуем разобраться с ролью центра как поставщика инноваций для периферии. Во-первых, о каких инновациях идет речь? Во-вторых, кто и когда доказал, что инновации должны исходить из одного центра? В-третьих, механизм иерархической диффузии инноваций действительно важен, но он не единственный.

А теперь попробуем разобраться с постулатом номер восемь: «Удачи в развитии стран... часто связаны с явлением резонанса... Резонанс бывает очень сильным, когда затрагивает разные типы структур, в том числе внутренние и внешние структуры развития. Но их фазы могут и не совпадать: история знает случаи взлета отдельных стран на фоне мировых кризисов» (8, с. 16). Удача, конечно, дело хорошее, особенно в спорте и карточной игре, там без нее никуда. Что же касается экономического развития или, шире, общественного развития, то благоприятные предпосылки, будь-то «окна возможностей», конкурентные преимущества и т. п., сами по себе автоматически не действуют, для того, чтобы они действительно были эффективно использованы, необходима государственная стратегия. Что касается «взлета отдельных стран на фоне мировых кризисов», то в последнее столетие этого как-то не наблюдалось. Хочется верить, что «социалистическая индустриализация и коллективизация» в России не рассматривается глубокоуважаемым Андреем Ильичом как взлет. Больно уж издержки велики, до сих пор Россия не отошла от этого взлета.

Что же касается утверждения: «Глобализация и коммуникационное «сжатие» земного пространства-времени ведут вовсе не к унификации, а к росту эволюционного разнообразия мира. Его части явно находятся в разных состояниях (...), что затрудняет выработку приемлемых для всех моделей» (8, с. 20), то оно стоит того, чтобы на нем остановиться более подробно.

¹ Об этом говаривал еще Н. Н. Баранский [2].

Скорее всего, глобализация ведет к разнообразию, но не менее очевидно, что она сопровождается и унификацией. А все это вместе ведет к росту неопределенности поведения, в том числе и экономического, в различных частях мировой экономики. И это действительно «затрудняет выработку приемлемых для всех моделей». Правда, при этом возникает вопрос: а могут ли существовать эти самые универсальные модели?

Не менее интересно и положение: «...«размножение» стран-государств на фоне глобализации подрывает их не столь давнюю роль главных субъектов мировой экономики и ведет к буму регионов: внутренних разного масштаба и статуса, международных и смешанных, куда страны могут входить частями, например, приграничными. Таких единиц, формальных и неформальных, вряд ли меньше, чем было княжеств в удельные времена. Современные государства вынуждены уступать им часть своих полномочий, по крайней мере, экономических» (8, с. 22).

Ничего не могу сказать по поводу числа княжеств в удельные времена: надеюсь, что Андрей Ильич знает, что говорит. А вот то, что имеет место бум регионов, иначе регионализация, — это действительно так. Если чего бы и хотелось, так это более ясного понимания того, что, скажем, есть неформальные регионы. Действительно, в теории организации есть различие организаций на формальные и неформальные, но тогда следует признать, что регионы — суть организации. Рецензенту такой подход представляется достаточно продуктивным. Но в рецензируемой работе он, к сожалению, не получил ни обоснования, ни развития.

Теперь об одной из узловых идей, обоснование которой проходит практически через всю работу. Ее можно обозначить как универсализм и уникализм: два подхода к объяснению и оценке развития. Позиция А. И. Тревиша сформулирована им следующим образом: «Уникализму приписывают нелинейную логику, а универсализму — линейную, более примитивную. Но это не прямолинейность в математическом смысле. Обе концепции оперируют циклами, только универсализм видит их однолинейными и глобальными по охвату, а уникализм — отдельными круговоротами по схеме «подъем — расцвет — упадок», в которой смущает отрицание какой-то общей линии развития» (8, с. 24—25).

Наверное, здесь самое интересное заключается в признании цикличности как механизма развития, в равной мере присущего как универсализму, так и уникализму. При этом А. И. Тревиш, констатируя, что «спор универсализма с уникализмом не окончен, но важнее результаты, которые они могут дать вместе или отдельно», четко фиксирует свою позицию в этом споре: «Мне... претит жесткий выбор «или — или», хотя в настоящем обзоре я не столько мирю крайности, сколько пытаюсь высечь какую-то искру путем их соударения» (8, с. 36).

Здесь просто необходимо зафиксировать внимание читателя на том, что эта авторская позиция имеет отношение не только к спору между универсализмом и уникализмом, но она проходит через всю книгу.

Осветив проблему взаимоотношения между уникальным и универсальным в процессах развития и отметив, что проблема развития требует многообразия подходов, А. И. Трейвиш подходит к рассмотрению крупных общественных переходов. Всего он выделяет пять типов такого рода переходов: технико-экономический, структурно-экономический, демографический, урбанистический и макросоциально-экономический. Не вдаваясь в рассмотрение каждого из перечисленных типов, отметим, что действительно «сводка данных о движении страны по обозначенным выше «маршрутам» кое-что дает для ее понимания» (8, с. 49). Трудно не согласиться и с тем, что «даже зная текущую или будущую стадию, нужно суметь поймать волну <...>, что вообще крайне важно для практики» (8, с. 50).

Судя по всему, «ловить волну» А. И. Трейвиш предлагает с помощью полимасштабности, ибо следующий параграф, он же завершающий первую главу, называется «Полимасштабность географии и развития».

Для начала вслед за автором попробуем разобраться со словами. «Итак, масштаб сам по себе — средство познания. Принцип же полимасштабности предлагает оперировать разными масштабами в любом смысле, включая масштабы-ранги и размеры таксонов. Конечно, смыслы могут и не совпадать. Не зря советский картограф А. Ф. Асланикашвили (1974) различал масштабы пространства и содержания». Здесь сделаем пометку, чтобы вернуться, а пока вслед за А. И. Трейвишем продолжим: «Понятные картографам, эти термины в более широком смысле могут вызывать возражения: пространство неотделимо от содержания, иначе и не представить пространство экономическое, информационное и т. п. Но их «спецсодержание» логично привязывать к карте, к природной общегеографической основе с ее масштабами, на какой посылке и зиждется дальнейшее изложение» (8, с. 51).

Трудно согласиться с тем, что масштаб сам по себе — средство познания, ибо если пойти по такой логике, то все и вся есть средство познания. Так же трудно согласиться и с тем, что есть некий принцип, позволяющий оперировать разными масштабами в любом смысле. Скорее всего, имеет место терминологическая небрежность или рецензент чего-то не понял. Хотя, с другой стороны, позиция А. Ф. Асланикашвили вполне понятна.

Так как принцип полимасштабности крайне важен для понимания общей логики исследования, то все-таки попробуем разобраться с тем, что это такое и зачем его следует придерживаться при изучении пространственных проявлений общественного развития в целом и экономического в частности.

Для начала определимся с тем, когда необходимо использование разных масштабов исследования пространственных объектов? Ответ очевиден: тогда, когда объект исследования обладает иерархическим строением. В этом случае рассмотрение целостного пространственного объекта на различных иерархических уровнях дает возможность понять, что есть общее, а что есть специфическое. В конце концов, такое рассмотрение территориальных образований дает возможность понять, на каком уровне локализуются проблемы развития, на каком следует искать ресурсы, необходимые для их решения, наконец, где следует ожидать эффекты, связанные с решением той или иной проблемы.

Что же касается утверждения, что любые частные пространства (экономическое, информационное и т. п.) должны быть привязаны к «природной общегеографической основе с ее масштабами», то это утверждение выглядит слишком категорично и неопределенно одновременно, что само по себе большая редкость.

Не меньшая редкость и термин «межмасштабный конфликт интересов», который приводит рецензента в замешательство: масштаб, который уже был средством познания, к тому же обладает интересами.

В конце концов, ознакомление с содержанием первой главы еще раз убеждает рецензента в пользу использования различных масштабов в исследовании территориальных структур, обладающих иерархическим строением.

Вторая глава посвящена доказательству того, что Россия находится среди стран-гигантов, причем есть тому и объяснение: «Россию держит среди гигантов в первую очередь ее территория, «океан суши» (8, с. 85). Но, как выясняется из результатов стадийно-эволюционного сравнения, Россия не только обширна, она еще и периферийна со времен Средневековья. Однако оставим исторические изыскания и остановимся подробнее на современном состоянии России в мире.

И начнем с того, что отметим крайне важный нюанс, на который обращает внимание А. И. Трейвиш: «Эпоха-то не беспромышленная. Вторичный сектор, как и первичный (аграрный), в ней не умирают, только худеют» (8, с. 103). Более того, не умирают и доаграрные (традиционные) формы экономической деятельности.

Что остается российской экономике: опять догонять? Скорее всего — да. Но и здесь есть один нюанс: «реанимация всего советского производства, если вдруг произойдет, будет уже не столько догоняющим развитием, сколько погоней за вчерашним днем» (8, с. 111). Нелишнее замечание.

Определившись с местом России в современной глобальной социально-экономической динамике, А. И. Трейвиш переходит к рассмотрению территориальных пульсаций и сдвигов.

Для этого он определяет своего рода пространственно-временную систему координат. Пространственные изменения государства Российского рассматриваются по двум осям освоения: старо- и новогосударственной. «Первая близка к вектору колонизации земель, расширяемых на север и восток, на юге же приходилось отвоевывать Причерноморье. По второй оси Русь пробивалась в юго-восточные степени, а на северо-западе стучалась «к варягам». Пересечение осей близ Москвы помогло ее возвышению» (8, с. 112).

Что касаясь российской истории, то здесь автор выделяет четыре главных периода: киевский, московский, петербургский и советский, которые он рассматривает как «четыре волны расширения территории» (8, с. 113).

И что же в итоге? А в итоге вопрос: «считать ли последнее по времени сжатие — распад СССР — первой фазой очередной пульсации, за которой последует расширение, или оно необратимо?» (8, с. 115).

Но чтобы на него ответить, А. И. Трейвиш предпринимает исследование территориальных сдвигов, имевших место в России в XX в. В качестве инструмента анализа был взят центрографический метод. И оказывается, этот метод, хотя и трудоемкий, но простой с точки зрения интерпретации полученных результатов, обладает большими возможностями для исследования территориальных сдвигов. И, что не менее важно, эти сдвиги, одни из них ожидаемы, а другие вовсе не очевидны, дают для понимания природы территориальных сдвигов в экономике и расселении населения как минимум не меньше, чем весьма изощренные, зачастую чрезмерно формализованные, но очень модные методы.

Приведем для иллюстрации возможностей центрографического метода только один фрагмент: «В 1990-х гг. направления сдвигов разошлись. Промышленность было двинулась «к сырию», но повернула назад. Центроид розничной торговли из района Уфы, где он медленно дрейфовал, рванулся к Москве, главному дистрибьютору товаров, и тоже замер вместе с ее вкладом в российский оборот (...). Сдвиги в агросекторе — на юг и восток — были гораздо скромнее» (8, с. 120). Какой вывод можно сделать из вышеприведенного фрагмента? Он очевиден: различные сектора экономики очень по-разному ведут себя в пространстве российской экономики.

Но этим не ограничивается анализ территориальных сдвигов, А. И. Трейвиша интересуется ответ на вопрос: поворот назад — временное отступление или смена тренда?

И здесь следует обратить внимание на приводимый ниже тезис: «То, что освоение и развитие не всегда поступательны, что их волны могут быть «отливными», трудно признать и теперь, отчасти из-за традиции прогрессизма, видящего в развитии только приращение экономики, культуры, территории,

населения. Между тем вековые сдвиги в России всегда содержали компоненту возвратности» (8, с. 121—122).

Действительно, признать существование «отливов» трудно, можно даже их не замечать, но они проявляются достаточно явно, и не только в масштабах национальной экономики, но и на субнациональном уровне¹.

Есть еще одно положение, на которое также следует обратить внимание: «Сравнение с США и Канадой показывает, что Россия не смогла выполнить одну из своих миссий, заданных самим ее простиранием: создать действительно мощный полюс развития у Тихого океана. Волны освоения туда часто не доходили, оседали в Сибири, ресурсы которой не так удалены от традиционных мест их потребления. Выходит, что у нас чем восточнее, тем периферийнее, дальше от главных центров собственной страны, но ближе к растущим центрам азиатских соседей» (8, с. 124).

Действительно, России не удалось создать «мощный полюс развития у Тихого океана», хотя на необходимость его неоднократно указывали отечественные ученые еще в начале XX в. (см.: [3; 7]). Но проблема видится не в том, что до Дальнего Востока не доходили волны освоения. Когда на то была государственная воля и соответствующая ей политика в отношении региона, то волны доходили и сопровождались вполне осязаемыми результатами.

Что же все-таки следует из проведенного А. И. Трейвишем анализа долговременных трендов? А следует вот что: «Итак, поворот в движении масс населения, их отток с востока и севера к западу и югу у нас состоялся и даже близок к завершению: его темпы уже снижаются. Может быть, предстоит возврат, новая пульсация? Вряд ли. ...Сырьевые сценарии сопряжены с новыми сдвигами на север и восток, высокотехнологичные — с обратным, которые нельзя рассматривать как регрессивные» (8, с. 124—125). И опять-таки, не все так просто: с одной стороны, действительно сырьевые сценарии сопряжены с новыми сдвигами на север и восток, и это понятно. Но почему высокотехнологичные сценарии предполагают обратное движение — не очень понятно. Конечно, есть решения, принимаемые на самом высоком государственном уровне, о создании «Силиконовой долины» в Подмосковье, но есть так и не реализованная миссия России на Тихом океане, о которой говорилось выше. И может быть, следует к ней вернуться, но не только путем создания объектов индустриального характера, а путем создания условий для постиндустриальной экономики на Востоке России.

Следующий сюжет, рассматриваемый А. И. Трейвишем, не менее актуален и интересен как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Это географические ограничения в развитии страны. И, как в предыдущем

¹ Явление это достаточно детально описано и в отношении Урала [1].

случае, автор рецензируемой работы, прежде всего, выстраивает теоретическую конструкцию, на которой и строит последующий анализ.

В качестве таковой он использует хорошо известную концепцию географического положения, в которой «географы видят в ГП [географическом положении] особое позиционное свойство и ресурс развития, причем такой, который индивидуализирует его, если даже прочие свойства объектов одинаковы. Вплоть до максимы в духе уникализма: не бывает двух одинаковых положений, а значит, и мест, районов, стран. ГП и, особенно, ЭГП (экономико-географическое положение, к которому советская традиция относилась все «человеческие» слагаемые) — категории исторические, изменчивые. Впрочем, в ГП разных мест можно найти типовые, повторяющиеся черты, а в разновременных ГП одного места — черты преемственности» (8, с. 126).

Далее следует анализ взаимоотношений России с ее окружением, который, по мнению А. И. Трейвиша, реализуется в рамках двух подходов. В рамках одного подхода выделяют граничные зоны, узлы и участки, в рамках другого осуществляется анализ соседских регионов России.

А теперь рассмотрим некоторые результаты, полученные А. И. Трейвишем в рамках первого из приведенных выше подходов: «Дальневосточную зону отличает особый географический размах: сплошная линия Великого океана, соседство гигантов. Узел там всего один — Южно-Приморский. Плюс Хабаровский участок с особой угловой конфигурацией границ и Сахалино-Курильский с пограничными проливами и спором о «северных территориях». Чукотка, сосед Аляски, тоже особый, очень дальний, но яркий участок границы» (8, с. 129—130).

Насчет географического размаха — это преувеличение, помимо Южного Приморья, Ванино — Советской Гавани и Петропавловска-Камчатского, реальных и потенциальных морских «выходов» в экономики сопредельных стран просто нет.

Что же касается «ужасного русского климата» в изложении отечественных и зарубежных геодерминистов, то в сухом остатке остается следующее:

1. «Правота геодерминизма состоит в том, что базовые отличия неустранимы и с ними лучше не шутить: индетерминизм себе дороже. Россия в самом деле ограниченно конкурентоспособна на рынках рядовых массовых изделий, где ключевую роль играет экономия издержек» (8, с. 143).

2. «Главная ошибка геодетерминизма, похоже, состоит в абсолютизации «фатальных», «вечных» условий при непринятии самих фактов, не говоря о теориях их изменений. Давно известно, что прав-то скорее POSSIBILITY: и пространство с природой, и положение в нем — «рамочные» факторы, потенциал, а работать с ним можно по-разному. Кто не хочет делать дело, тот ищет оправданий, а кто хочет, ищет решений» (8, с. 144).

3. «Если все-таки говорить об ограничениях, то самым главным для современной России нужно будет признать социально-демографические: количество и «качество» населения <...>, а также трудовых ресурсов» (8, с. 144—145).

И последний вывод, на который следует обратить внимание: «Развитие страны лимитируют и стимулируют ее положение, природа и освоенность» (8, с. 146).

Глава третья начинается с рассмотрения необычно модного в последние десятилетия вопроса, который можно обозначить как асимметрия российского пространства. Сразу же отметим, что асимметрию А. И. Трейвиш предлагает анализировать по четырем осям: Север — Юг, Запад — Восток, центр — периферия и «русские» — «нерусские» районы. При этом он делает две оговорки: 1 — оси переплетаются, перетекают друг в друга со сменой масштаба и 2 — каждая из четырех осей не уникальна.

В конечном счете, сочетание осей «на большой территории порождает разнообразие регионализмов». ...Одновременно те же оси служат вариантами (альтернативами, дилеммами) регионального развития страны, поскольку в них подспудно заложен выбор тех или иных его направлений, пространственных стратегий (8, с. 156).

Естественен вопрос: какая из означенных выше осей является более значимой для современной России? Здесь автор не дает прямого ответа, наверное, такового и быть не может. Ибо действительно: «Социально самой значимой... является третья... а самой актуальной и важной для единства страны... кажется четвертая» (8, с. 156). Наверняка можно при большом желании найти сферы жизнедеятельности общества, где значимыми становятся первые две оси.

Но много важнее вывод, который делает автор рецензируемой работы (под которым рецензент готов подписаться обеими руками): «Власть же никак не научится сочетать региональную и национальную политику, что видно по судьбе Минрега <...>, который переименовывали, упраздняли, возвращали и не могли точно определить его главные задачи и функции» (8, с. 156—157).

Однако предлагаемый «осевой» анализ пригоден не только для исследования текущей ситуации, А. И. Трейвиш демонстрирует и его прогностические возможности на примере развития геодемографической ситуации в стране.

Итак, что же, по мнению автора, нас ожидает?

1. Прямое вмешательство в центр-периферийные пропорции не решало своих целей раньше и вряд ли поможет впредь. Чего явно не стоит делать, так это путать социально-демографическую часть вопроса с экономической, связанные далеко не прямо (8, с. 160—161).

2. Современные миграции связаны со всей гаммой различий, обусловленных позициями стран и районов на стадийных переходах, от демографического до макросоциэкономического (8, с. 163).

3. Итак, хотя в России недонаселены более 3 млн км² не худших земель, и притом заселены 1,7 млн км² не лучших для проживания, «оргвыводов» это еще не предполагает. Анализ имел другую цель: показать на примере, что выделенным выше осям соответствуют альтернативы регионального развития, стратегии которого — предмет уже политический (8, с. 163).

Конечно, можно было бы поспорить относительно цифр. Принципиально важно другое: Россия, по каким бы осям мы бы ни анализировали демографическую или экономическую ситуацию, демонстрирует потрясающее разнообразие. И это разнообразие является все еще недооцененным ресурсом развития. Другое дело, что этот весьма специфический ресурс крайне сложно выявить и оценить. И еще, разнообразие условий экономических, социальных, природных, этнокультурных предполагает разнообразие стратегий регионального развития, но никак не их унификацию.

И здесь А. И. Трейвиш переходит к рассмотрению «вечно зеленой» темы в отечественной географии и региональной экономике — районированию. И с чем рецензент полностью солидарен с автором рецензируемой работы, так это с тем, что «попытка с ходу нарисовать «идеальную» сетку или принять одну из бытующих, нередки у дилетантов. Специалисты знают, как эта задача неоднозначна. Отсюда эволюция и конкуренция альтернативных схем интегральных районов, разных по масштабам и начертаниям звеньев, и частных: разных сфер общества, его целей и функций» (8, с. 164).

К сожалению, районирование, в первую очередь интегральное, а во вторую — экономическое, фактически исчезло и из сферы научных исследований, и из сферы регионального управления.

Тем более интересно, что нового предложит столь авторитетный специалист. А предлагает он выделять: а) стабильные ядра и б) спорные зоны. И таких ядер в России он обнаружил три: Уральское, Центральное и небольшое Петербургское. Тут самое время остановиться на том, как были выделены эти ядра. Оказывается, очень просто: берется восемь разновременных и разнокачественных сеток районирования в периоде с 1815-го (К. Ф. Герман) и до 1918 г. (А. Н. Челинцев), затем они накладываются друг на друга — и все¹.

¹ Удивительно, но А. И. Трейвиш не приводит ни одной ссылки на работы, из которых им были заимствованы сетки районов. Более того, не стоит искать читателям и работу П. П. Семенова-Тян-Шанского 1878 г. У классика есть несколько сеток, из них наиболее известная 1880 г., районы которой получили название «семеновских» и дожили до районов (областей) госплановских. Что же касается работы А. Н. Челинцева 1918 г., то можно только предположить, что речь идет о работе [9].

Отметим, что тут автор рецензируемой работы не первооткрыватель (впрочем, он на это и не претендует), есть у него предшественник — Б. Н. Книпович, который посвятил целую главу в своей монографии «Сельскохозяйственное районирование» сопоставлению некоторых попыток районирования. Скажем сразу, что его позиция представляется рецензенту более обоснованной.

В этой связи не очень понятно, как столь эрудированный специалист, каковым несомненно является А. И. Трейвиш, проигнорировал анализ сеток районирования, выполненный Б. Н. Книповичем в рамках одного и того же временного периода. Возможно, это связано с тем, что Б. Н. Книпович приходит к прямо противоположным результатам. У него получается достаточно устойчивая пространственная структура экономики в периоде от 1880 г. (сетка районов П. П. Семенова) и по начало 1920-х гг. И это отчасти связано с тем, что на макроуровне «детальный анализ указал нам чрезвычайно тесную связь экономических и природных условий как в статике, так и динамике района» [4, с. 177]. Поэтому не случайно «на территории страны не только наметились с.-х. центры, но и наметились и определились крупные районы с относительно узкими переходными полосами» [4, с. 185].

Но, как бы ни были интересны результаты исследования Б. Н. Книповича, вернемся все-таки к А. И. Трейвишу и его работе.

Выводы его неутешительны: «Мировые тенденции пробивались к нам с трудом по причине узости штандортного предложения. В разреженном пространстве, при резких перепадах его инфраструктурного оснащения, даже производства свободного размещения имели ограниченный выбор мест. Готовые площадки промышленных парков с резервами технических сетей были для новых советских предприятий мечтой «не из этой жизни» (8, с. 169—179). Надо полагать, что узость предложения мест каким-то образом связана с тем, что у нас мало устойчивых ядер на макроуровне.

Но, оказывается, что все та же узость предложения мест «усиливала локально-городскую концентрацию экономики, срывала планы разгрузки крупных центров от трудо-, материало- и средоёмких производств. Здесь новые отрасли редко замещали старые и просто добавлялись к ним. Отраслевой подход жестко ранжировал сами макрорайоны» (8, с. 170).

Конечно, узость предложения мест действительно существует, но всякий раз возникает вопрос: для каких видов экономической деятельности? Неужели для всех? Здесь можно было бы порассуждать, что не все так плохо, и привести немало примеров, что с предложением мест у нас в России все в порядке. Но это и так хорошо известно и автору, и рецензенту, и читателям. Поэтому позволю себе привести мнение специалистов из смежной области: «Безнадежных мест не бывает; все места обладают какими-либо

реальными или потенциальными ресурсами, которые могут быть использованы» [5, с. 353]. И еще: «Национальное процветание не наследуется — оно создается» [6, с. 163]. То же можно сказать и о регионе. Но и в том, и в другом случае, говоря о процветании, следует помнить, что «процветание» создается «людьми». Опять-таки «люди» — это и население региона (социально-территориальные общности), и органы власти и управления (менеджеры).

Завершив рассмотрение «опорных ядер и спорных зон», А. И. Трейвиш переходит с макроуровня на следующий уровень анализа. В качестве отправной точки анализа траекторий экономического развития регионов он берет тезис, согласно которому «регионы живут в одном хронологическом времени, но при этом в разных экономических эпохах» (8, с. 179). На первый взгляд — прописная истина, но как же она трудно воспринимается и в научном сообществе, и, что, возможно, еще более важно, в среде чиновников, отвечающих за экономическое развитие регионов.

Что же касается типологии регионов, то она проста и операциональна, в том смысле, что разграничивает регионы по их месту в социально-экономической динамике, что крайне важно для выбора региональной стратегии. Если что и вызывает здесь вопрос, то почему в последовательности: постиндустриальные, индустриальные, аграрные регионы — отсутствуют регионы доаграрного типа? Хотя территории, в пределах которых господствует традиционное хозяйство коренных жителей, занимают большую часть Субарктики и северной тайги в Сибири и на Дальнем Востоке.

Но в главном и автор, и рецензент сходятся: структура экономики региона любого типа, без учета иерархичности экономического пространства и принадлежности тех или иных экономических структур к различным экономическим эпохам, не отражает реальное положение дел. Действительно, «пары предприятий-анклавов хватает, чтобы пополнить индустриальный ВРП и бюджет региона, но это могут быть «соборы в пустыне», чужие для коренных обитателей. Недаром обширные добывающие регионы часто сервисны или полуаграрны по структуре занятости» (8, с. 199—200).

Следует обратить внимание читателя еще на один вывод, который обосновывает А. И. Трейвиш: «Переход от спада к росту не гарантирует выравнивания, а то и чреват обратным эффектом» (8, с. 201). А это значит, что макроэкономическая стабилизация и последующий экономический рост вряд ли автоматически могут привести к снижению уровня пространственной неоднородности экономического пространства.

Кстати, отчасти это является следствием того, что «как бы то ни было, в экономическом и культурно-политическом смысле многие части страны относятся и к ней, и к внешним регионам разного масштаба» (8, с. 224).

Но много важнее причины другого свойства, которые А. И. Трейвиш рассматривает в параграфе «Регионализация и централизация в России». По мнению автора, «регионализм включает:

- а) региональное самосознание, идентичность...
- б) их воплощение в региональном общественном движении...
- в) «собственно регионализацию» — учет интересов и нужд регионов в политике на основе признания районного (регионального) бытия и развития одной из полноправных форм самоорганизации общества» (8, с. 225—226).

Следовательно, регионализм представляет собой процесс формирования и развития регионов, т. е. пространственно обособленных частей территориальной организации общества, но не только экономики.

При этом «регионализм и регионализация — антонимы централизма и централизации (а еще однообразия, унификации), но еще не синоним сепаратизма и дезинтеграции» (8, с. 227—228). Поэтому вполне логично и следующее утверждение: «Россия в нынешних границах может отказаться от федерализма, но останется страной многорайонной. И если с региональным и этническим сепаратизмом центр обязан вести борьбу, то с регионами и регионализмом полезнее найти общий язык» (8, с. 229).

Тому, как искать этот самый общий язык, посвящены последующие страницы третьей главы. И если с исходным тезисом: «В разные периоды его [СССР] истории сам район понимали то почти как страну в стране, то как ячейку сетки для планирования или управления. Конфликт интересов возникал постоянно (он тоже объективен) вместе с вопросом о том, как развивать страну: централизованно или «от регионов» (8, с. 234), — рецензент согласен в полной мере, то согласиться с тем, что причины волновой природы регионализации в России кроются в циклах Н. Д. Кондратьева, представляются мне не очень обоснованным.

Однако как бы ни были интересны причины, много интереснее оценка современного состояния регионализации в России, которая у А. И. Трейвиша неутешительна: «Контурсы «новой регионализации», понимаемой не как регионализм, а наоборот, «переваривание» регионов, их интересов и амбиций крупными субъектами экономики, заменившими в этом качестве советские министерства, ведомства и главки, далеки от контуров России, ее районов и регионов» (8, с. 243). Или иными словами: эффективной государственной региональной политики в РФ нет, как не было ее в РСФСР.

Последняя, четвертая глава, начинается с рассмотрения роли городов в пространстве России. И начинается эта глава с констатации: «Районоформирующая роль крупных городов тем выше, чем стабильнее их сеть. А на наших просторах к тому же ограничен выбор городов-центров. Поэтому структура страны во многом зависит от того, как центры делят зоны влия-

ния, что, в свою очередь, зависит от их размеров и формы сети. Вероятные зоны в первом приближении помогает выявить метод главных потенциалов» (8, с. 263).

Здесь есть смысл обратить внимание на два момента. Первый — хотелось бы увидеть аргументы в пользу того, что районоформирующая роль крупных городов тем выше, чем стабильнее их сеть. Второй — зоны влияния крупных городов, которые в значительной мере определяют пространственную структуру страны, действительно можно определить, используя простой, но весьма эффективный метод главных потенциалов. К сожалению, иллюстрация этого метода относится к 1979 г.

Далее опять-таки вполне логично, что вслед за рассмотрением роли городов в процессах районообразования следует рассмотрение специфики российской урбанизации в ее пространственных проявлениях.

Пожалуй, наибольший интерес в этой части работы представляют результаты исследования процессов конвергенции и дивергенции, возникающих в ходе взаимодействия российских городов и сельских поселений.

Но прежде обратим внимание читателя на авторский выбор направлений и признаков, по которым А. И. Трейвиш отслеживает взаимосвязи между городом и деревней: «1 — эволюция и взаимодействие сельских и городских пространств, 2 — соотношение уровней и типов развития, 3 — сельско-городской образ жизни» (8, с. 274).

Результаты анализа по первому из перечисленных выше направлений: «Сдвиг села к городу, сближение и совмещение двух образов жизни формируют интегрированное, неоконвергентное расселение в сгустках агломераций всех размеров или вокруг одиноких центров... По числу больших городов (от 100 тыс.) можно судить о базах такой конвергенции. ...В России они как оазисы в пустыне или как острова в периферийном море» (8, с. 275).

Отсутствие необходимого количества городов-стотысячников, по мнению А. И. Трейвиша, является одной из причин отсутствия должной динамики в выравнивании городской и сельской экономик по финансовым результатам, доходам населения и т. п.

Наконец, анализ взаимодействия по линии сельский — городской образ жизни приводит А. И. Трейвиша к заключению, что «специфика России в ряду стран высокого уровня урбанизации состоит в том, что ее сельчане и горожане вовлечены в сельское хозяйство» (8, с. 279).

Еще больший интерес вызывает позиция автора в отношении «дачной экономики», которая сформулирована им следующим образом: «Аграрные занятия не исчезают полностью, даже если экономически нерациональны и сохраняются по инерции (глубокой социокультурной традиции). В то же время считать «дачную экономику» (в самом широком смысле, вместе

с рынками второго жилья и земли, их планировку, строительство и обустройство, обслуживание) частью агросектора в корне неверно. Она ближе к третичной сфере, составляя в России ее мощный и перспективный блок» (8, с. 281—282).

Переходя к рассмотрению влияния городов на региональное развитие, автор рецензируемой работы делает особый акцент на размере городов, полагая, что «выход из кризиса связан со структурными сдвигами, а те, в свою очередь, — с масштабом центра» (8, с. 293).

Рецензенту это положение представляется излишне категоричным и мало подкрепленным соответствующей эмпирикой. Более того, буквально, через десяток страниц А. И. Трейвиш утверждает, что «само развитие, сырьевое либо инновационное и постиндустриальное — это разное качество и спрос на разные места» (8, с. 302).

Завершается глава рассмотрением примеров депрессивных (г. Кизел и Ивановская область) и успешных (Подмосковье) городов и ареалов. И хотя эта часть монографии интересна и с методической стороны, прежде всего использованием картографических методов, и с точки зрения выявления причин успехов и неудач означенных выше городов и ареалов, все-таки оставим этот сюжет вне нашего рассмотрения.

Наконец, несколько слов в отношении «Заключения». Это действительно заключение, и в этом обязательном разделе любой научной монографии содержится квинтэссенция авторской мысли и позиции в предельно сжатой форме.

Рецензенту было трудно удержаться от обильного цитирования, много чего интересного есть в книге, к тому же это интересное написано хорошим русским языком, что само по себе есть большая редкость в научных текстах, — это во-первых; а во-вторых, по причине того, что рецензент не всеведущ, а круг проблем, рассматриваемых в работе, необычайно широк, была опасность пропустить что-то важное. При этом есть смысл еще раз повторить, что далеко не все в рецензируемой работе бесспорно. Напротив, многое просто провоцирует спор, где мог, рецензент вступал в спор, где не хватало эрудиции — просто обозначал дискуссионный сюжет, полагая, что он может привлечь внимание потенциального читателя.

Но есть в ней и то, на что, по мнению рецензента, следует обратить внимание особо, т. к. это характеризует уже не столько книгу, сколько автора: «География вслед за историей предупреждает: перескакивать в пространстве так же опасно, как во времени. Строение, пульсацию, инерцию и прочие свойства пространства следует понимать и уважать во избежание катастроф и кризисов размера» (8, с. 347).

«Пренебрежение собственным народом и условиями месторазвития, гео-

графический индетерминизм и волюнтаризм типичны для российских элит и слишком опасны, чтобы о них можно было молчать» (8, с. 346).

Вот, собственно, и все: и про книгу, и про ее автора, который не столько дает готовые рецепты, сколько предупреждает и побуждает читателя думать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азиатская Россия в геополитическое и цивилизационной динамике. XVI—XX вв. / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М.: Наука, 2004.
2. Баранский Н. Н. Географическое разделение труда // Избранные труды: Становление советской экономической географии / Н. Н. Баранский. М.: Мысль, 1980.
3. Воейков А. Н. Распределение населения в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911.
4. Книпович Б. Н. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925.
5. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
6. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2000.
7. Семенов-Тянь-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб., 1915.
8. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. (Сер. «Социальное пространство»).
9. Челинцев А. Н. Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 г. и ж.-д. перевозок. Харьков, 1918.